

УДК 7.032(38)04»-3/-1»

ББК 85.11

DOI 10.18688/aa2313-1-8

А. Е. Хозикова

Толос как идея во фракийской погребальной архитектуре: Четинева Могила и гробница Шушманец

Фракийские курганы Четинева Могила и Шушманец расположены на территории современной Болгарии (Илл. 20, 21). Их датировки варьируются в пределах второй половины — третьей четверти IV в. до н.э. Внутри каждый из курганов имеет круглую в плане камеру. В толосе Шушманец она предварена подобием стомиона, обращённого к широкой площадке перед сооружением. В Четиневой Могиле — входной камерой с двумя дверными проемами, наружным и внутренним, ведущим в основное помещение.

Опуская некоторые нюансы, архитектурный строй этих двух памятников можно свести к формуле «толос + предваряющая камера, перекрытая ложным сводом», которая лежит в основе многих погребальных сооружений Фракии. В некоторых из них эта комбинация усложнена дополнительными камерами и дромосом (Мезекская гробница, Голяма Косматка, Жаба-Могила, Александрово и др.). Общее же впечатление, которое производят фракийские сооружения — их архаизирующие черты и встроенность в монументальный погребальный ландшафт — неоднократно побуждало исследователей ставить вопрос о наличии микенских реминисценций во фракийской архитектуре. Внимание этой проблеме будет уделено и в данной статье.

Другой круг вопросов, к которому мы обратимся, касается интерьеров Четиневой Могилы и толоса Шушманец (Илл. 22, 23). Их оформление всецело связано с расцветом фракийской архитектуры в IV в. до н.э. в период активной внешней политики Одрисского царства. Греческая колонизация, начавшаяся ещё в VIII в. до н.э., постоянные контакты с Афинами и сложное взаимодействие с Македонским царством способствовали эллинизации фракийской аристократии [32, р. 3]. Во фракийские сооружения проникали элементы греческой архитектуры. Иногда заказчиков устраивало применение лишь отдельных деталей в оформлении, например, фасадов или порталов гробниц. В случае же с Четиневой Могилой и толосом Шушманец, на наш взгляд, можно ставить вопрос о более «концептуальном» переносе на фракийскую почву образа классического толоса и об ориентации на вполне конкретные греческие постройки, игравшие важную роль в культовой жизни эллинов. Речь идет о знаменитых толосах в Дельфах и Эпидавре, а также их вариациях — дорической ротонде на Самофракии и др. Каким образом фракийские погребальные постройки соотносятся с классическими толосами; какой круг идей, исходящих от фракийских заказчиков, стоит за этими архитектурными проектами; были ли сохранены при заимствовании формальных приемов функции и семантика греческих толосов — эти вопросы будут затрагиваться в нашем исследовании.

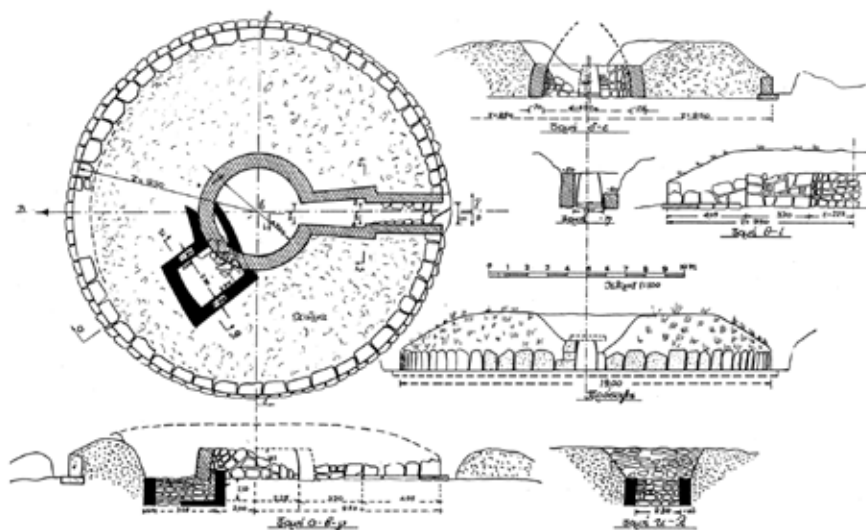

Рис. 1. Толос в Фарсале (Verdelis tomb). Конец VI в. до н. э. Фессалия, Греция. Источник: [28, fig.10]

Если проблема микенских влияний на фракийские толосы в научной литературе освещена достаточно полно, а особенности архитектуры Четиневой Могилы и Толоса Шушманец подробно рассмотрены в ряде публикаций болгарских исследователей, то в оценке классических влияний специалисты пока ограничиваются констатацией их присутствия в тех или иных деталях. Этим определяется актуальность данного исследования.

Фракийский толос в контексте микенских реминисценций

Вопрос о связи фракийских толосов с микенской традицией впервые был поставлен в 1930-е гг. исследователем Мезекской гробницы Б. Филовым [15]. Позже появились публикации, в которых фракийские подкурганные сооружения с ульеобразными ложными сводами рассматривались как результат самостоятельной архитектурной эволюции. В. Миков и И. Венедиков возводили их к мегалитическим дольменам и примитивным гробницам, высеченным в скалах Восточных Родоп и Странджа-Сакары в XII–VI вв. до н.э. [3; 4; 38; 39]. Микенское влияние, таким образом, ставилось под сомнение, ведь временной интервал между микенской и фракийской культурами составлял более 800 лет. Наконец, в 1970-е гг. И. Венедиков обратил внимание на то, что важную роль в морфологии фракийской погребальной архитектуры могли сыграть сооружения соседних регионов [1].

Действительно, такой подвижный регион как Фракия не может рассматриваться автономно или через призму только одной линии культурных влияний. В этом смысле наиболее гибкой является позиция Н. Феодосиева. К 2007 г., когда была издана его публикация о фракийских толосах [31], значительно расширилась археологическая база¹, был накоплен материал, позволявший представить географию распространения

¹ Л. Контроли-Пападопулу отмечает, что уже к середине 1990-х гг. было известно более 136 ми-

толосов в микенский, постмикенский и архаический периоды, и Феодосиев проследил практику их возведения на соседних с Фракией территориях — в Македонии и Фессалии, — а также в отдельных регионах Малой Азии.

Наибольший интерес для нас представляют фессалийские толосы с ложными сводами в Кранноне и Фарсале. Известно, что толос в Фарсале, т. н. *Verdelis tomb*, (Рис. 1) был возведён над разрушенной гробницей позднеэллиадского периода (ПВ) в конце VI в. до н.э. и использовался до конца IV в. до н.э. [29, р. 147–148; 31, р. 430]. Реконструировать культовую программу, связанную с этим сооружением, сложно, поскольку гробница была разграблена. В стомионе толоса были найдены фрагменты чернофигурного кратера, расписанного в манере Эксекия. На одной его стороне изображена битва, возможно, за тело Патрокла, на другой — колесница, запряжённая четырьмя лошадьми [29, р. 148–149]. Расположение толоса прямо над микенской гробницей, вблизи от двух других гробниц позднего бронзового века, а также от некрополя раннего железного века, говорит о желании заказчиков связать себя с предшествующими поколениями представителей элиты — через локацию, тип гробницы и сюжеты в оформлении погребального инвентаря, показать свою причастность «героическому» прошлому [29, р. 150]. Гробница в Фарсале, вероятно, инспирировала целую традицию, поддерживающую возведение толосов как в самой Фессалии, так и во Фракии, о чем ещё в 1960-е гг. высказался А. К. Орландос [24, р. 211–212]. Феодосиев развил эту идею и расширил круг памятников несколькими сооружениями из Краннона — толосом, датируемым первой половиной – серединой V в. до н.э., и так называемыми «пирамидальными гробницами» А и В середины IV в. до н.э. Важно отметить, что в отличие от Фарсалы, в Кранноне, похоже, не возводились гробницы-толосы в эпоху поздней бронзы и раннего железного века [29, р. 152]. Названные сооружения появились здесь, вероятно, в общем контексте распространения и трансформации типологии, её растущей популярности среди заказчиков в IV в. до н.э.

Среди возможных источников, давших импульс строительству толосов во Фракии, Феодосиев также упоминает сооружения соседней Македонии. В Пидне, Констанции и недалеко от Пеллы были обнаружены гробницы раннего железного века, состоящие из дромоса и подземной круглой камеры. Они рассматриваются как памятники ми-

Рис. 2. Интерьер толоса Четинева Могила. 350–330 гг. до н. э. Старосел, Пловдивская область, Болгария. Фото: А. Корзун

кенских толосов, рассредоточенных по всей материковой Греции и прилегающим островам Ионии; наиболее широкое распространение они получили на Пелопоннесе — в Арголиде и Мессении [17, р. 111].

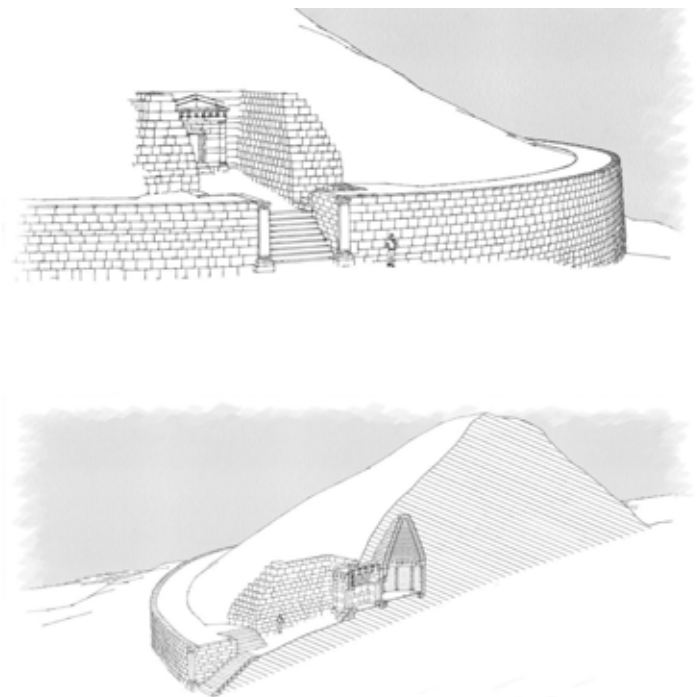

Рис. 3. Реконструкция комплекса Четинева Могила. 350–330 гг. до н. э. Старосел, Пловдивская область, Болгария. Источник: [31, р. 106]

кенского происхождения, но возможно, они появились здесь на волне строительства подобных гробниц в Фессалии [31, р. 431]. Однако к IV в. до н.э., когда во Фракии стали активно распространяться гробницы-толосы, этот тип сооружений в Македонии был полностью вытеснен гробницами с цилиндрическими сводами. Фракийцы, противостоявшие македонской экспансии, судя по всему, сознательно ориентировались на иную традицию.

Гробницы-толосы позднего бронзового века и периода протогеометрики, которые тоже относят к микенской и постмикенской типологии, были обнаружены и в Малой Азии, на территориях Карики, Ионии (Колофон), Пафлагонии (Ишык-Даг). Традиция сохранялась здесь на протяжении нескольких веков. Так, в Милете была обнаружена гробница-толос, содержащая артефакты VII в. до н. э. [31, р. 429], а толос IV в. до н. э., раскопанный недалеко от Кутлуджа (западная Вифиния), хронологически и территориально сближается с толосами восточной Фракии — Кыркларели и Кирк Килисе в Ерикличе (европейская часть современной Турции) и может рассматриваться как ещё одно доказательство культурного взаимодействия между фракийцами и вифинцами [31, р. 429].

Наконец, среди памятников самой Фракии к постмикенской традиции можно отнести толос из некрополя Зона (Месембрия). Это была греческая колония с многонациональным населением. По найденным бронзовым фибулам толос датируют VIII–VII вв. до н.э. К сожалению, сохранность памятника не позволяет составить полное представ-

ление о его архитектуре. Тем не менее, его можно рассматривать как свидетельство многосторонних связей между эгейской Фракией и другими областями Греции. Расположение памятника в регионе, населенном как греками, так и фракийцами, позволяет предположить, что знакомство фракийцев с идеей строительства гробниц-толосов могло быть результатом контактов с греческими колонистами [31, р. 435].

В недавней статье, посвященной толосу Четинева Могила, Ч. Цочев справедливо отметил, что ни один из приведенных Фе-

одоссиевым памятников нельзя назвать прямым предшественником фракийских толосов [34, р. 157]. Говорить о прямых прототипах в контексте фракийской архитектуры так же сложно, как искать их для фессалийских и малоазийских памятников. География распространения толосов в микенский период была весьма широка, а формы — разнообразны. Вероятно, традиция их возведения в последующие эпохи в каждом регионе определялась местной спецификой — строительными технологиями, возможностями и вкусами заказчиков. При этом формула «толос + предваряющая камера с ложным сводом» оставалась неизменной. Для правящих элит всех этих регионов такая архитектура могла служить способом выстроить связь с прошлым, включить себя в «генеалогию героев», яркий пример чему являет фессалийский толос из Фарсалы.

Ко всему сказанному можно добавить свидетельства о практиках повторных захоронений, существовавших в Фессалии, Македонии и Фракии. Они не всегда связаны именно с погребениями в гробницах-толосах, но сам факт поддержания монументального погребального ландшафта важен. Так, судя по археологическим данным, в фессалийских толосах Капакли и Мармарини содержалось около 70 захоронений в каждом, и оба сооружения использовались для погребений до классического периода [16, р. 51]. Подобная практика существовала и во Фракии [5]. «Великий Курган» близ Маломирово и Златиницы или курганы между Шипкой и Шейново, где находится гробница Оструша, использовались для захоронений с эпохи поздней бронзы до середины IV в. до н.э. и позже [6, р. 290].

Таким образом, типология микенского толоса, распространяясь и трансформируясь в последующие эпохи, могла быть носителем идейной отсылки к могилам царей и нобилитета. Оставаясь в поле зрения на протяжении всей античности (Павсаний во II веке все ещё обращает на них внимание — Paus. 2.16.5-7), микенские толосы могли служить ориентиром при формировании запросов заказчиков. Подобная архитектура могла восприниматься как зримое наследие легендарного прошлого, поскольку эпические образы и особенно троянский цикл играли важную роль в саморепрезентации греческих и варварских элит. Фракийцы тут не были исключением. В Амфиполе суще-

Рис. 4. Интерьер толоса Шушманец. Третья четверть IV в. до н. э. Шипка, область Стара Загора, Болгария. Фото: А. Корзун

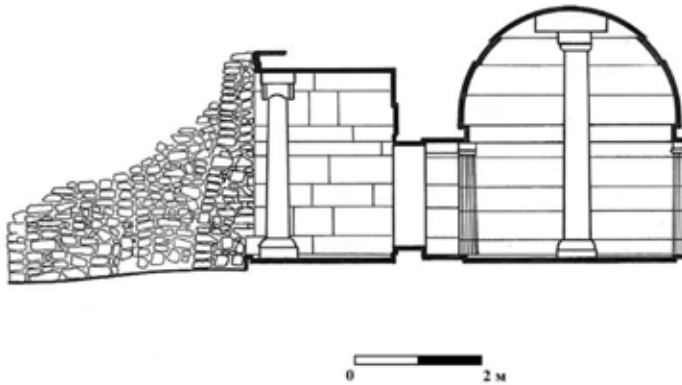

Рис. 5. Толос Шушманец. Разрез. Авторы: Е. Крондева, Ст. Гошев. Источник: [11, р. 148, fig. 12]

ствовал культ Реса [21; 28, р. 316] — легендарного царя Фракии, союзника троянцев (Apolloed. Bibl. 1.3.4). Его останки афиняне перевезли из Трои на Стримон в V в. до н.э., где и был основан город (Polyaen. Strat. 6.53). В IV в. до н.э. была написана трагедия Псевдо-Еврипида «Рес». Согласно сюжету, после своей гибели царь обретал бессмертие, чтобы пророчествовать во Фракии в горах Пангеона (Eur. Rhes. 960–980). Примечательно, что в отношении посмертной ипостаси Реса создатель трагедии использовал термин *ἀνθρωποδαίμων* (Eur. Rhes. 971) — «человекобог», «человек, ставший богом или демоном». Сегодня трагедия «Рес» служит опорой при реконструкции культовых практик фракийцев. И сюжет, актуализированный трагедией практически одновременно с началом возведения фракийских толосов, и археологические данные дают основания полагать, что в IV в. до н. э. фракийцы героизировали или даже обожествляли некоторых представителей правящих элит [12, р. 77, 80, 83; 21; 25; 26, р. 451]. Доминирующее же положение и Четиневой могилы, и толоса Шушманец в ландшафте, присутствие в их декоре элементов храмовой архитектуры позволяют предположить, что сооружения были задуманы как, своего рода, храмы-герооны, где отправлялся культ героизированных представителей высшего нобилитета, о чем ещё будет сказано ниже. Поскольку отдельные элементы этих погребальных сооружений (такие, например, как свод и ордерные детали в Четиневой могиле) выполнены с большим мастерством и демонстрируют ориентацию на классические модели, их ярко выраженная «архаизация», очевидно, должна рассматриваться как сознательный выбор (Рис. 2–3).

Мотив классического толоса-периптера в архитектуре Фракии

Круглые камеры толосов Четинева Могила и Шушманец оформлены по периметру полуколоннами дорического ордера (Илл. 22, 23). В Четиневой Могиле пропорции колонн и антаблемента близки к средним значениям дорических построек позднеклассического периода [34, р. 154]. К моменту возведения толоса Четинева Могила на территории Фракии не существовало ни одного сооружения, где столь последовательно была бы применена та или иная ордерная система. Вероятно, исполнителями толоса были приглашённые архитекторы, которые имели опыт или, по крайней мере, были хорошо знакомы с практикой применения ордера к круглому пространству.

Известно, что Теодором Фокейским, архитектором толоса Афины Пронаии в Дельфах (380–370 гг. до н. э.), был написан трактат, посвященный этому проекту (Vitruv. 7. Praef. 12). О содержании трактата ничего не известно, однако в нем могли быть оговорены принципы строительства круглых ордерных сооружений. Сам факт существования трактата указывает на то, что дельфийский толос, подобно Галикарнасскому мавзолею, удостоился теоретического осмысления, что в дальнейшем могло влиять на распространение типологии, её превращение в образец, на который ориентировались заказчики и архитекторы. О знакомстве мастеров, работавших во Фракии, с конкретными греческими постройками свидетельствует находка на территории фракийского комплекса Жаба Могила фрагмента лесбийского киматия, рисунок которого совпадает с профилем двери толоса в Эпидавре [30, р. 170]. По свидетельству Витрувия, греческие мастера писали о правилах соразмерности (Vitruv. 7. Praef. 14). Вероятно, источником информации о типах зданий, пропорциях и отдельных декоративных элементах могли служить подобные сочинения.

Декорация интерьера второго памятника — толоса Шушманец, вероятно была инспирирована архитектурой Четиневой Могилы, построенной чуть ранее. В обоих сооружениях нашёл применение новый для Фракии способ построения круглой камеры. В отличие от остальных фракийских ульеобразных толосов, где ложный свод начинается от основания, в Шушманце и Четиневе впервые были использованы цилиндрические стены, удерживающие конструкции ложных сводов. Это вновь наводит на мысль о том, что фракийские заказчики и архитекторы могли вдохновляться наземными круглыми дорическими периптерами. Однако технология строительства в толосе Шушманец отлична от четиневской гробницы, включая способ кладки каменных блоков. Дорический ордер здесь решён в приземистых пропорциях и не соответствует классическим образцам. Каждая полуколонна над архитравом продолжается массивным ребром ложного свода, моделированным с помощью особой формы блоков (Рис. 4). Ребра ведут к центральной части свода, поддерживаемой монолитной колонной (Рис. 5). Аналогий такому решению ложного свода нет ни во Фракии, ни в соседних регионах, и вопрос о конструктивном или декоративном значении «рёбер» остается открытым. Как отмечает Ч. Цочев, использование ложного свода почти «правильной» полусферической формы, какую мы видим в толосе Шуш-

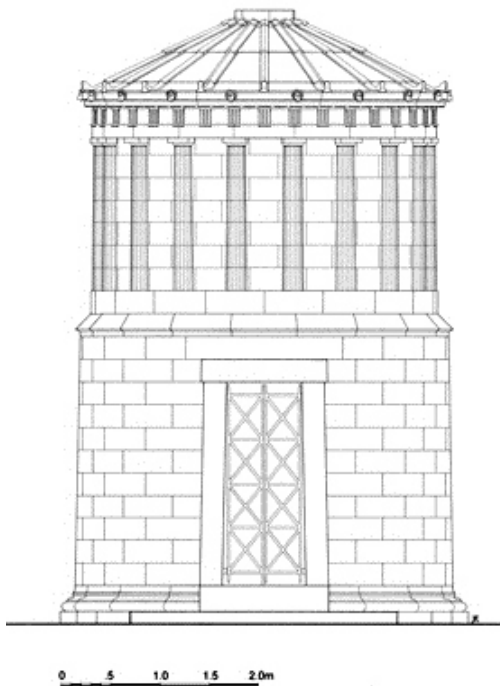

Рис. 6. Реконструкция «Дорической ротонды» на о. Самофракия. Конец IV в. до н. э. Источник: URL: <https://www.samothrace.emory.edu/doric-rotunda/> (дата обращения: 10.10.2022)

манец, неэффективно в подкурганых сооружениях². Возможно, строители толоса не были до конца уверены, выдержит ли конструкция насыпь, и ввели дополнительные, усиливающие конструкцию свода элементы. Так или иначе, вызывает интерес сам факт попытки местных строителей применить или воспроизвести архитектурные формы не совсем знакомые, не характерные для погребальной архитектуры Фракии.

В то же время, нам мало известно о перекрытиях греческих круглых периптеров. Исследователи толоса в Дельфах склоняются к тому, что здесь мог быть установлен деревянный «зонтичный» каркас с двойной оболочкой [7, р. 69]. В этом случае ребра внутреннего каркаса соотносились бы с ионическими полуколоннами второго яруса интерьера. Витрувий для обозначения дельфийского толоса использовал слово *tholus*, под которым, судя по контексту, он подразумевает купольную постройку³. Ясно, что дельфийский толос не мог быть перекрыт тяжёлым каменным сводом (тем более, сводчатые конструкции появляются в Греции не ранее последней четверти IV в. до н. э.). Трудно сказать, существовала ли в IV в. до н.э. практика использования в деревянных конструкциях гнутых балок, которые образовывали бы каркасы куполов. Однако использование подобных конструкций прослеживается на малоазийских территориях — в Ликии: характерные параболические очертания крыш ликийских скальных гробниц и саркофагов, как считают исследователи, являются петрифицированной версией форм деревянной архитектуры [2, с. 121; 14, р. 41–42]. Архитектор дельфийского толоса был выходцем из Фокеи, ему могли быть известны подобные строительные практики западной Малой Азии, которые он мог адаптировать для перекрытия толоса. Гипотетически, свод толоса Шушманец также мог быть инспирирован деревянными конструкциями. Однако на данный момент этот вопрос остается открытым.

Если во внешнем облике и общей структуре толосов Четинева Могила и Шушманец для фракийских заказчиков были важны отсылки к традиционным формам (вплоть до микенских сооружений), то в оформлении интерьеров и конструктивных приемах они приветствовали новаторские, неординарные решения. Внутренние колоннады, необычные перекрытия (Рис. 2, 4), как и сам новый для Фракии способ сооружения гробниц, не могли появиться случайно. Решения, применённые в интерьерах, вызывают ассоциации с греческими толосами в Эпидавре и Дельфах, а также с их вариациями — в первую очередь, с так называемой Дорической ротондой на о. Самофракия (Рис. 6). Известно, что она была двухъярусной. Судя по реконструкции, её верхний ярус был оформлен наложенным дорическим орденом. Функциональность этого верхнего яруса ставится под сомнение из-за небольших размеров ротонды (всего 4,10 м в диаметре) и отсутствия следов лестницы, которая обеспечивала бы к нему доступ [20, р. 100–102; 22, р. 262–272]. Он мог быть архитектурной имитацией, апеллировавшей к классическим греческим образцам, которые играли важную роль в культовой жизни эллинов. Эта архитектурная цитата — имитация кольцевой дорической колоннады — вероятно должна была нести определённые смыслы, которыми наделялась сама форма толоса.

² Автор выражает признательность Ч. Цочеву за возможность консультироваться по вопросам, касающимся конструкций фракийских сооружений. За выводы, представленные в статье, несет ответственность исключительно автор.

³ ...*in eaque fecisset columnas, signa, centauros sustinentes epistylia, tholorum rotunda tecta, fastigiorum prominentes versuras, coronasque capitibus leoninis ornatas...* (Vitruv. 7.5.5)

...и сделал на ней колонны, статуи кентавров, поддерживающие архитравы, круглые кровли ротонд, выдающиеся завороты фронтонов и карнизы, украшенные львиными головами... (пер. В. П. Зубова).

Тот же принцип, возможно, лежит в основе «проекции» дорической ротонды во внутреннее пространство Четиневой Могилы и толоса Шушманец.

Этот визуальный диалог с классическими, «знаковыми» образцами типологии должен оцениваться в контексте общего её распространения в периоды поздней классики и эллинизма. Тип трансформировался в зависимости от региона, вкусов и ориентиров заказчиков. Толосы могли разрастаться до грандиозных масштабов, как Арсинойон на Самофракии (288–270 гг. до н.э.), или наоборот — редуцироваться до миниатюрной модели храма-постаменты, как в памятнике Лисикрата в Афинах (335–334 гг. до н.э.). Несмотря на все трансформации, форма всегда оставалась узнаваемой, а сведение её к имитации позволяет говорить о превращении толоса в некую архитектурную идею. В этом случае архитектор не воспроизводит объём и физические параметры какого-то конкретного здания, но и не просто приспособливает типовое решение для своей задачи. Он воспроизводит скорее образ, ассоциирующийся с постройками определённого круга. Такая архитектура апеллирует к чувственному опыту, к памяти и воображению зрителя. В случае с греческими толосами, это должны были быть ассоциации с культом героя (включая его хтонические аспекты) и с вотивной сферой. О «героонных» функциях дельфийского толоса Афины Пронайи исследователи высказывались неоднократно [7; 8]. Толос святилища в Эпидавре также связывают с хтонической стороной культа Асклепия [19, s. 135]. Дополнительный смысл греческие толосы получают в период утверждения господства Македонии. Филиппейон в Олимпии (338 г. до н. э.) был выстроен как вотивный монумент по случаю победы при Херонее. В нём находились статуи представителей македонской царской династии, выполненные, как и культовые образы, в хрисозлефантинной технике (Paus. 5. 20. 5). Филиппейон, таким образом, имел черты храма-героона, связанного с почитанием и прославлением героизированных правителей [27, p. 151, 163]. Идея победы и триумфа (только уже в состязании хоров) заложена и в памятнике Лисикрата. Птолемайон — толос в Лимире, как полагают, был выстроен в честь победы Птолемея над галатами [9, s. 79–84; 37, p. 497] и, одновременно, он мог быть местом отправления культа династии. Дорический толос на Самофракии предположительно являлся кенотафом [19], Арсинойон, возведенный в том же святилище — культовой и вотивной постройкой [20; 22].

У фракийцев, как отмечалось выше, был развит культ героизированного правителя. Геродот сообщает, что фракийские цари возводили свой род к Гермесу (Hdt. 5.7). Страбон указывает на тесную связь между жреческими и пророческими функциями почитаемого во Фракии Замолксиса и царской властью (Strab. 7. 3. 5). Сохранилась также надпись, в которой некий Котис (возможно, фракийский царь) упоминается как сын Аполлона [26, p. 446; 36, p. 204]. На порогах входных камер, предвещающих толосы Четинева Могила и Шушманец, сохранились следы многократного использования дверей. Исследователи склоняются к тому, что сооружения функционировали как места отправления культа умершего — храмы-герооны [13, p. 140; 34, p. 159]. Факт существования во Фракии традиции посмертного почитания высшего нобилитета вполне органично смыкается с семантикой греческого толоса и её различными оттенками в толосах Мармарии, Эпидавра, Олимпии, Самофракии. В формальном отношении этот перенос вписывается в общую тенденцию «эклектизма» и свободной апелляции к различным архитектурным иконографиям в архитектуре эллинистического периода.

Литература

1. Венедиков И., Герасимов Т. Тракийското изкуство. — София, Български художник, 1973. — 407 с.
2. Кишбали Т. П. Семантика погребальных фасадов в IV веке до н. э. в юго-западной Малой Азии // // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 7 / Под ред. С. В. Малцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. — С. 119–127. DOI: 10.18688/aa177-1-13.
3. Миков В. Произход на надгробните могили в България // GodMuzSof (Godišnik na Nacionalnija arheološki muzej. Annuaire du Musée national archéologique). — Sofia, 1942. — No. 7. — С. 16–31.
4. Миков В. Произходът на куполните гробници в Тракия // BIBulg (Izvestija na Arheološki institut. Bulletin de l'Institut d'archéologie). — 1955. — No. 19. — P. 15–48.
5. Agre D. On the Untraditional Use of Mounds in Thrace during the Late Iron Age // Tumulus as Sema: Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC / Eds. O. Henry, U. Kelp. — Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. — P. 233–243.
6. Archibald Z. H. The Odrysian Kingdom of Thrace. — Oxford: Clarendon Press, 1998. — 370 p.
7. Bommelaer J. F. La tholos de Delphes; forme et destination // Centenaire de la «Grande fouille» réalisée par l'école Française d'Athènes (1892–1903). Actes du Colloque Paul Perdrizet Strasbourg. — 1991. — P. 207–223.
8. Bommelaer J. F. Marmaria. Le Sanctuaire d'Athéna à Delphes. École Française d'Athènes. — Vol. 17. — Paris, De Boccard édition-Diffusion, 1997. — 141 p., 111 ill.
9. Borchardt J.; Stanza G. Ein hellenistischer Bau des Herrscherkultes: Das Ptolemaion in Limyra // Götter, Heroen, Herrscher in Lykien. — Wien: 1990. — P. 79–84.
10. Boysal Y. New Excavations in Caria // Anatolia. — No. 11. — 1967. — P. 32–56.
11. Chichikova M., Stoyanova D., Stoyanov T. The Caryatid Royal Tomb near the Village of Sveshtari. — Sophia: Isparih, 2012. — 131 p.
12. Dimitrova D. 5th–4th c. BC Thracian Orphic Tumular Burials in Sliven Region (Southeastern Bulgaria) // Tumuli Graves — Status Symbol of the Dead in the Bronze and Iron Ages in Europe / Eds. V. Sirbu, C. Schuster. — Oxford: Archaeopress, Publishers of British Archaeological Reports, 2012. — P. 77–84.
13. Dimitrova D. Shushmanets tumular Temple near Shipka (Central Bulgaria) // The Thracians and Their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology. Necropolises, Cult Places, Religion, Mythology. — Vol. 2. — Braşov: Muzeul Brăilei–Editura Istros, 2013. — P. 133–152.
14. Fedak J. Monumental Tombs of the Hellenistic Age: A Study of Selected Tombs from the Pre-Classical to the Early Imperial Era. — Toronto: University of Toronto Press, 1990. — 500 p.
15. Filov B. The Beehive Tombs of Mezek // Antiquity. — 1937. — No. 11. — P. 300–305.
16. Georganas I. Early Iron Age Tholos Tombs in Thessaly (c. 1100–700 BC) // Mediterranean Archaeology. — Vol. 13. — Meditarch, 2000. — P. 47–54.
17. Kontorli-Papadopoulou L. Mycenaean Tholos Tombs: Some Thoughts on Burial Customs and Rites // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement. Klados: Essays in honour of J. N. Coldstream / Ed. C. Morris. — Wiley, 1995. — No. 63. — P. 111–122.
18. Kyriakou A. The History of a Fourth Century BC Tumulus at Aigai/Vergina. Definitions in Space and Time // Tumulus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC / Eds. O. Henry, U. Kelp. — Vol. 27. — Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. — P. 143–157.
19. Lambrinoudakis V. Anfänge und Entwicklung des Asklepioskultes in Epidauros: Der "Apollonaltar" und die Tholos // Ad summum templum architecturae. Forschungen zur antiken Architektur im Spannungsfeld der Fragestellungen und Methoden / Hrsg. H. Frielinghaus, T. G. Schattner. — Möhnesee: Bibliopolis, 2018. — S. 125–138.
20. Lehmann K. Samothrace: A Guide to the Excavations and the Museum. — Thessaloniki, 1998. — 186 p.
21. Liapis V. The Thracian Cult of Rhesus and the Heros Equitans // Kernos. — No. 24. — 2011. — P. 95–104.
22. McCredie J. R. et al. Rotunda of Arsinoe / Eds. K. Lehmann, P. Lehmann. — Princeton, 1992. — 444 p. (Samothrace: Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts of New York University. Vol. 7.)
23. Mikov V. Proizhod na nadgrobните mogili v Bulgaria // Godišnik na Narodniya Arheološki Muzej. — No. 7. — 1942. — P. 16–31.
24. Orlandos A. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs. Second partie. — Paris: E. de Boccard, 1968. — 478 p.

25. *Rabadjiev K.* Anthropodaimonat v Trkiya // Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova / Ed. D. Gergova. — Sofia: Akademichno izdatelstvo Marin Drinov, 2008. — P. 82–86.
26. *Rabadjiev K.* Religion // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. — Wiley Blackwell, 2015. — P. 443–454.
27. *Schultz P.* Divine Images and Royal Ideology in the Philippeion at Olympia // Aspects of Ancient Greek Cult: Context, Ritual, Iconography / Eds. J. Jensen, G. Hinge, B. Wickkiser, P. Schultz. — Aarhus University Press, 2009. — P. 125–193.
28. *Sears M.* Athens // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. — Chichester, Wiley Blackwell, 2015. — P. 308–319.
29. *Stamatopoulou M., Katakouta S.* Monumental Funerary Architecture in Thessaly in the Classical and Hellenistic Periods: An Overview // Griechische Monumentalgräber. Regionale Muster und ihre Rezeption im ägäischen Raum im klassischen und hellenistischen Zeit. Gateways 7 / Eds. C. Berns, C. Huguenot. — Düren, 2020. — P. 147–173.
30. *Stoyanova D.* Tomb Architecture // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. — Chichester, Wiley Blackwell, 2015. — P. 158–179.
31. *Theodosiev N.* The Beehive Tombs in Thrace and Their Connection with Funerary Monuments in Thessaly, Macedonia and Other Parts of the Ancient World // Ancient Macedonia VII. — Thessaloniki, 2007. — P. 423–444.
32. *Theodosiev N.* An Introduction to Studying Ancient Thrace // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. — Wiley Blackwell, 2015. — P. 3–11.
33. *Thompson H.* The Tholos of Athens and Its Predecessors // The American Excavations in the Athenian Agora. Hesperia: Supplements. — Vol. 4. — The American School of Classical Studies at Athens, 1940. — 168 p.
34. *Tzochew Ch.* The Architecture of the 4th Century B.C. Monumental Tomb at Starosel // Archäologischer Anzeiger. § 1–120. — Deutsches Archäologisches Institut, 2021–2. — P. 97–16.
35. *Valeva J.* The Decoration of Thracian Chamber Tombs // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. — Chichester: Wiley Blackwell, 2015. — P. 180–196.
36. *Valeva J.* Gold, Silver, and Bronze Vessels // A Companion to Ancient Thrace / Eds. J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger. — Chichester, Wiley Blackwell, 2015. — P. 197–211.
37. *Vandorpe K.* “Negotiators” Laws from Rebellious Sagalassos in an Early Hellenistic Inscription // Sagalassos V. / Eds. M. Waelkens, L. Loots. — Belgium, Leuven University Press, 2000. — P. 187–205.
38. *Venedikov I.* L'origine des tombeaux à coupole // Primus congressus studiorum thraciorum, Thracia III. — Sophia, 1974. — P. 203–205.
39. *Venedikov I.* Skalnite grobnitsi v Trakiya i mikenskite grobnitsi // Megalitite v Trakiya. — Sofia, 1976. — P. 110–115.
40. *Venedikov I.* Trakiiskite dolmeni, dolmenite v Kavkaz i grobnitsite v Mala Aziya // Megalitite v Trakiya. — Sofia, 1976. — P. 76–81.
41. *Winter F.* Studies in Hellenistic Architecture. — Canada, University of Toronto Press, 2006. — 460 p.

Название статьи. Толос как идея во фракийской погребальной архитектуре: Четинева Могила и гробница Шушманец

Сведения об авторе. Хозикова, Анастасия Евгеньевна — аспирант. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, ул. Ленинские Горы, 1, Москва, Российская Федерация, 119991; ann_hozikova@mail.ru; SPIN-код: 7159-7295; ORCID: 0000-0002-2430-2930

Аннотация. В статье рассмотрены два фракийских памятника — курганы Четинева Могила и Шушманец. Их устройство, с одной стороны, позволяет ставить вопрос о микенских реминисценциях во фракийской архитектуре. С другой — архитектурное оформление их камер вызывает ассоциации с классическими греческими толосами, известными по сооружениям в Дельфах и Эпидавре, а также с их вариациями — Дорическим толосом и Арсинойоном на о. Самофракия, толосом в Лимире и др.

Каким образом рассматриваемые памятники соотносятся с толосами микенскими и толосами классическими; в какой мере им присущи функциональные и семантические черты толосов-«оригиналов»; какую идею могли транслировать через эти формы фракийские заказчики — этим вопросам посвящена статья. Анализ генезиса фракийского толоса показывает, что микенские черты могли проникать в погребальную архитектуру Фракии из соседних регионов, где микенские реминисценции сохранялись в течение всего I тыс. до н. э. Мотив классического толоса-периптера проник во Фракию, вероятно, в контексте общего распространения типологии и ее популярности среди правящих элит — главных заказчиков фракийских сооружений. Этот перенос вписывается в общую тенденцию «эклектизма» и свободной апелляции к различным архитектурным иконографиям в архитектуре эллинистического периода. Вместе с тем, характерный для Фракии V–IV вв. до н. э. культ героизированного правителя и его посмертное почитание как антроподаймона (*ἀνθρωποδαίμων*) вполне органично смыкаются с семантикой толосов, как классических, так и восходящих к микенской традиции.

Ключевые слова: Фракия, толос, погребальная архитектура, Древняя Греция, эллинизация

Title. Idea of Tholos in Thracian Funerary Architecture: Chetinyova Mogila and the Shushmanets Tomb

Author. Khozikova, Anastasia E. — postgraduate student. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, Moscow, Russian Federation, 119991; ann_hozikova@mail.ru; SPIN-code: 7159-7295; ORCID: 0000-0002-2430-2930

Abstract. The article considers two Thracian monuments: the mounds of Chetinyova Mogila and Shushmanets. Their structure, on one hand, enables us to consider Mycenaean influences in Thracian architecture. On the other hand, the architectural design of their chambers is reminiscent of Classical Greek tholoi, such as those in Delphi and Epidaurus, and their variations — the Doric tholos in Samothrace and Arsinoion, among others. How these monuments correlate with Mycenaean and Classical tholoi in the context of Thracian funerary architecture and whether the functions and semantics of the ‘original’ tholoi were preserved, what idea could be transmitted through these forms by the Thracian customers — these are the issues this article focuses on. The analysis of the genesis of the Thracian tholos shows that the Mycenaean tradition was transmitted to Thrace indirectly through the architecture of neighboring regions, where Mycenaean influences were retained throughout the entire 1st millennium B. C. in the architectural forms (tomb types) and maintenance of the monumental burial landscape (through repeated burials in ancient mounds). The motif of the classical tholos-peripteros got into Thrace, most likely, in the context of the general spread of the typology and its popularity among the ruling elites not as a direct projection or system, but as an architectural imitation characteristic of the general trend of ‘eclecticism’ in the Hellenistic era. The cult of the heroized or deified ruler and the tradition of his posthumous veneration as anthropodaimon (*ἀνθρωποδαίμων*) characteristic for Thrace in 5th–4th centuries B. C. is closely associated with the semantics of tholoi, both classical and those going back to the Mycenaean tradition.

Keywords: Thrace, tholos, funerary architecture, Ancient Greece, Hellenization

References

- Agre D. On the Untraditional Use of Mounds in Thrace during the Late Iron Age. *Tumulus as Sema: Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC*. Berlin; Boston, De Gruyter Publ., 2016, pp. 233–243.
- Archibald Z. *The Odrysian Kingdom of Thrace*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1998. 370 p.
- Bommelaer J. F. La tholos de Delphes; forme et destination. *Centenaire de la 'Grande fouille' réalisée par l'école Française d'Athènes (1892–1903), Actes du Colloque Paul Perdrizet*. Strasbourg, 1991, pp. 207–223 (in French).
- Bommelaer J. F. *Marmaria. Le Sanctuaire d'Athéna à Delphes*. École Française d'Athènes Publ., 1997. 141 p. (in French).
- Boysal Y. New Excavations in Caria. *Anatolia*, 1967, no. 11, pp. 32–56.
- Chichikova M.; Stoyanova D.; Stoyanov T. *The Caryatid Royal Tomb near the Village of Sveshtari*. Sophia, Isperih Publ., 2012. 131 p.
- Dimitrova D. Shushmanets Tumular Temple near Shipka (Central Bulgaria). *The Thracians and Their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology. Necropolises, Cult places, Religion, Mythology*, vol. 2. Braşov, Muzeul Brăilei–Editura Istros Publ., 2013, pp. 133–152.
- Fedak J. *Monumental Tombs of the Hellenistic Age: A Study of Selected Tombs from the Pre-Classical to the Early Imperial Era*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 1990. 500 p.
- Filov B. The Beehive Tombs of Mezek. *Antiquity*, 1937, no. 11, pp. 300–305.
- Georganas I. Early Iron Age Tholos Tombs in Thessaly (c. 1100–700 BC). *Mediterranean Archaeology*, 2000, vol. 13, pp. 47–54.
- Kisbali T. P. The Meaning of Tomb Façades in 4th Century BC South-Western Asia Minor. Maltseva S.; Staniukovich-Denisova E.; Zakharova A. (eds). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 7. St. Petersburg, St. Petersburg University Press Publ., 2017, pp. 119–127. DOI: 10.18688/aa177-1-13 (in Russian).
- Kontorli-Papadopoulou L. Mycenaean Tholos Tombs: Some Thoughts on Burial Customs and Rites. *Bulletin of the Institute of Classical Studies. Supplement. KLADOS: Essays in Honour of J.N. Coldstream*. Wiley Publ., 1995, no. 63, pp. 111–122.
- Kyriakou A. The History of a Fourth Century BC Tumulus at Aigai-Vergina. Definitions in Space and Time. *Tumulus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC*, vol. 27. Berlin; Boston, De Gruyter Publ., 2016, pp. 143–157.
- Lambrinoudakis V. Anfänge und Entwicklung des Asklepioskultes in Epidauros: Der „Apollonaltar“ und die Tholos. *Ad summum templum architecturae. Forschungen zur antiken Architektur im Spannungsfeld der Fragestellungen und Methoden*. Möhnesee, Bibliopolis Publ., 2018, pp. 125–138 (in German).
- Lehmann K. *Samothrace: A Guide to the Excavations and the Museum*. Thessaloniki, 1998. 186 p.
- Liapis V. The Thracian Cult of Rhesus and the Heros Equitans. *Kernos*, 2011, no. 24, pp. 95–104.
- McCredie J. et al. *Rotunda of Arsinoe. (Samothrace: Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts of New York University, vol. 7)*. Princeton, University Press Publ., 1992. 444 p.
- Mikov V. Proischodat na kupolnite grobnici v Trakija. *Izvestija na Archeologičeskija institut*, 1955, no. 19, pp. 15–48 (in Bulgarian).
- Mikov V. Proizhod na nadgrobnite mogili v Bulgaria. *Godišnik na Narodnija Arheologičeski Muzei*, 1942, no. 7, pp. 16–31 (in Bulgarian).
- Mikov V. Proizhod na nadgrobnite mogili v Bulgaria. *Godišnik na Nacionalnija Archeologičeski Muzej*, Sofia, 1942, no. 7, pp. 16–31 (in Bulgarian).
- Orlandos A. *Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs*. Paris, E. de Boccard Publ., 1968. 478 p. (in French).
- Rabadjiev K. Anthropodaimonat v Trkiya. *Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova*. Sofia, Akademichno izdatelstvo Marin Drinov Publ., 2008, pp. 82–86.
- Rabadjiev K. Religion. *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester, Wiley Blackwell Publ., 2015, pp. 443–454.
- Schultz P. Divine Images and Royal Ideology in the Philippeion at Olympia. *Aspects of Ancient Greek Cult: Context, Ritual, Iconography*. Aarhus University Press Publ., 2009, pp. 125–193.
- Sears M. Athens. *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester, Wiley Blackwell Publ., 2015, pp. 308–319.
- Stamatopoulou M.; Katakouta S. Monumental Funerary Architecture in Thessaly in the Classical and Hellenistic Periods: An Overview. *Griechische Monumentalgräber. Regionale Muster und ihre Rezeption im ägäischen Raum im klassischer und hellenistischer Zeit. Gateways 7*. Düren, 2020, pp. 147–173.

Stoyanova D. Tomb Architecture. *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester, Wiley Blackwell Publ., 2015, pp. 158–179.

Theodossiev N. The Beehive Tombs in Thrace and Their Connection with Funerary Monuments in Thessaly, Macedonia and Other Parts of the Ancient World. *Ancient Macedonia*, vol. 7. Thessaloniki, 2007, pp. 423–444.

Theodossiev N. An Introduction to Studying Ancient Thrace. *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester, Wiley Blackwell, 2015, pp. 3–11

Thompson H. The Tholos of Athens and Its Predecessors. *The American Excavations in the Athenian Agora. Hesperia: Supplements*, vol. 4. Athens, The American School of Classical Studies at Athens Publ., 1940. 168 p.

Tzocher Ch. The Architecture of the 4th Century B. C. Monumental Tomb at Starosel. *Archäologischer Anzeiger*, 2021–2. Berlin, Deutsches Archäologisches Institut Publ., 2022, pp. 95–167. DOI: 10.34780/d5bi-h53t

Valeva J. Gold, Silver, and Bronze Vessels. *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester, Wiley Blackwell Publ., 2015, pp. 197–211.

Valeva J. The Decoration of Thracian Chamber Tombs. *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester, Wiley Blackwell Publ., 2015, pp. 180–196.

Vandorpe K. “Negotiators” Laws from Rebellious Sagalassos in an Early Hellenistic Inscription. *Sagalassos* V. Belgium, Leuven University Press Publ., 2000, pp. 187–205.

Venedikov I. L'origine des tombeaux à coupole. *Primus congressus studiorum thraciorum, Thracia III*. Sophia, 1974, pp. 203–205 (in French).

Venedikov I. Skalnite grobnitsi v Trakiya i mikenskite grobnitsi. *Megalitite v Trakiya*. Sofia, 1976, pp. 110–115 (in Bulgarian).

Venedikov I. Trakiiskite dolmeni, dolmenite v Kavkaz i grobnitsite v Mala Aziya. *Megalitite v Trakiya*. Sofia, 1976, pp. 76–81 (in Bulgarian).

Venedikov I.; Gerasimov T. *Trakijskoto izkustvo (Thracian Art)*. Sofija, Balgarski hudozhnik Publ., 1973. 407 p. (in Bulgarian).

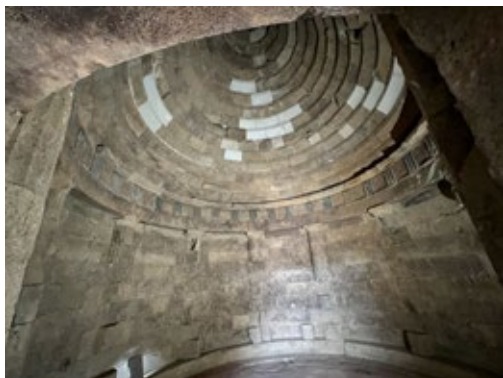
Winter F. *Studies in Hellenistic Architecture*. Canada, University of Toronto Press Publ., 2006. 460 p.

Илл. 20. Курган Четинева Могила. 350–330 гг. до н. э. Старосел, Пловдивская область, Болгария. Источник: Tzochew Ch. The Architecture of the 4th Century B.C. Monumental Tomb at Starosel // Archäologischer Anzeiger. § 1–120. Deutsches Archäologisches Institut, 2021/2. P. 106

Илл. 21. Курган Шушманец. Третья четверть IV в. до н. э. Шипка, область Стара Загора, Болгария. Фото: Г. Китов, 1996. Источник: Dimitrova D. Shushmanets Tumular Temple near Shipka (Central Bulgaria) // The Thracians and Their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology. Necropolises, Cult places, Religion, Mythology. Vol. 2. Braşov: Muzeul Brăilei–Editura Istros, 2013. P. 143

Илл. 22. Интерьер толоса Четинева Могила. 350–330 гг. до н. э. Старосел, Пловдивская область, Болгария. Фото: А. Хозикова, 2023

Илл. 23. Интерьер толоса Шушманец. Третья четверть IV в. до н.э. Шипка, область Стара Загора, Болгария. Фото: А. Хозикова, 2023